

Лун Сюань больше не смотрел на Великого Жреца Фу И чувствуя, что наконец-то нашел ответ, который искал.

Солнце за пределами молитвенного буддийского зала резало глаза. Великий Жрец Фу И стоял у главного входа в монастырь, наблюдая, как императорский паланкин Лун Сюаня удаляется в окружении последователей. "Похоже некоторые неприятные события неизбежны." — Великий Жрец Фу И посмотрел на небо, — "Небеса столицы сегодня безоблачны."

— Это Живой Будда!

— Он Великий Жрец Фу И?

.....

Набожные люди за воротами главного входа в монастырь, все еще подтверждали личность Великого Жреца Фу И, но их тела уже склонились перед ним на колени.

— Расходитесь по домам, — сказал Великий Жрец всем этим набожным людям и повернулся уходя обратно в монастырь.

Монахи закрыли тяжелые ворота монастыря, и в одно мгновение показалось, что внутри и снаружи совершенно разные, отличные друг от друга, миры.

— Гуру, — спросил молодой монах, — Почему Вы сказали всем снаружи разойтись по домам? Разве они поступают плохо, приходя поклониться Будде?

— Если они хотят кланяться перед статуей Будды, то лучше пусть совершенствуют свои моральные качества, — сказал Фу И, — Даже если по всему небу живут боги и Будды, сколько смертных в этом мире, и о скольких из них могут позаботиться боги и Будды?

— Будда милостив, что гуру подразумевает говоря так? — спросил молодой монах.

— Да, Будда милостив, — сказал Великий Жрец и медленно пошел прочь.

Молодой монах стоял на месте, обдумывая слова Великого Жреца Фу И, но никак не мог их понять.

Лун Сюань вернулся во дворец, где Се Юй и остальные продолжали ожидать его.

— Продолжаем обсуждение, — сказал Лун Сюань усаживаясь на место.

Первоначально Фу Юнь хотел уговорить Лун Сюаня поесть, прежде чем обсуждать дела с министрами, но тот не позволил ему говорить, сразу начав обсуждение с министрами. Так что Фу Юню пришлось скромно стоять в стороне.

Доклад Се Юя императору теперь намного детальнее того, что он представлял утром. Несмотря на то, что другие министры не имели никакого отношения к этому докладу, они все же давали свои комментарии, обсуждая его.

Фу Юнь посмотрел на небо за окном, уже стемнело, и его недовольство Се Юем становилось все глубже и глубже, он ведь видел, что император ничего не ел, но делал вид, будто не знал об этом.

Слуги, занимающиеся зажжением огней во дворце, зажгли огни снаружи, а заведующий императорской кухней не мог дожидаться приказа подавать еду в Зал Вечного Света, потому пришел ожидать снаружи.

Когда Се Юй промолвил "Сановнику больше нечего добавить", люди в зале, за исключением Лун Сюаня, наконец, испустили длинный вздох облегчения, и просто стояли там, ожидая, пока правитель и его подчиненный обсудят этот вопрос. Все уже были на пределе своих сил.

— Мин Юань, — заговорил Лун Сюань, не отпуская Се Юя, — Сегодня вечером я свободен и планирую навестить особняк Ло. Сообщите обо мне министру Ло.

— Вы собираетесь навестить учителя? — тут же мрачно поинтересовался Се Юй, — Ваше Величество хочет обсудить что-то важное с учителем? У Вашего Величества сегодня был утомительный день, не лучше ли будет, если учитель явится во дворец в другой день?

— Он - старший, — сказал Лун Сюань, — Естественно, это я должен навестить его.

— Подчиняюсь приказу, — подчинился Се Юй. Не имея возможности узнать о намерениях Лун Сюаня, Се Юй решил, что, несмотря ни на что, сегодня он будет сопровождать Ло Чжи Цю на этой встрече.

— Вы все, можете идти, — увидев, что Се Юй принял указ, Лун Сюань приказал всем уходить.

Когда все министры удалились, Фу Юнь поспешно спросил:

— Распорядится о еде, Ваше Величество?

— Мгм, — кивнул Лун Сюань, все еще читая доклад в руке.

Фу Юнь тут же направился прочь, чтоб подать Лун Сюаню еду. Его господин не ел целый день,

даже его закаленное тело не выдержит, если так будет продолжаться и дальше.

— Позови старшего принца, пусть навестит меня, — добавил Лун Сюань, когда Фу Юнь уже собирался отступить, — Пусть наставники тоже явятся.

— Ваше Величество, в такой час Его Высочество должен находится с матерью-императрицей, — торопливо предупредил Фу Юнь.

— Вызови его, — отозвался Лун Сюань, не поднимая головы.

— Слушаюсь и повинуюсь, — сразу осекся Фу Юнь, повинуюсь указу, но про себя он подумал: "Его Высочество вызвали в главный зал, опять его накажут неизвестно за что."

После того, как Лун Сюань взошел на трон, Ло Чжи И, императрица императора Син У, была назначена Лун Сюанем в качестве Вдовствующей Императрицы и переехала жить в Зал Тиннянь, где изначально проживала Вдовствующая Императрица Дуаньму. А Зал Милостивого Феникса заняла Императрица Чан, где жили сменявшие друг друга императрицы Великого Чжоу.

Когда в Зал Милостивого Феникса явился евнух из Зала Вечного Света, чтобы передать указ Лун Сюаня, старший принц Лун Сяо, сидевший с Императрицей Чан за ужином, вздрогнул.

У Императрицы Чан сердце кровью обливалось за своего сына, который только недавно отметил свое пятилетие, но она также знала нрав Лун Сюаня. У нее не хватило смелости распорядится и дать Лун Сяо закончить ужин, прежде чем идти к нему, в противном случае Лун Сюань не только накажет Лун Сяо, но и обвинит ее в слишком большой опеке над сыном.

— Мама, — с мольбой во взгляде смотрел Лун Сяо на Императрицу Чан. Могла ли она сказать ему, что нужно сделать, чтобы он никогда больше не видел своего отца?

— Это единственное время, когда твоего отца есть время спросить тебя о твоих успехах в учебе, — жестоко сказала Императрица Чан, — Иди сейчас же.

— Мама, ты можешь пойти со мной?

— В Зал Вечного Света наложницам гарема вход воспрещен, — пояснила Императрица Чан, поправляя одежду Лун Сяо, — Не говори подобного перед отцом-императором, иначе он точно тебя накажет.

— О, — сказал Лун Сяо с горьким выражением.

— Когда твой отец-император спросит тебя о чем-то, подумай, прежде чем ответить, не отвечай

небрежно и не зли его, — наставляла Императрица Чан своего сына, — Если чего-то не знаешь, скажи отцу, что будешь хорошо учиться, и пусть он спросит тебя снова на следующий день, и тогда ты ему хорошо ответишь.

Лун Сяо кивнул, на самом деле, его мать каждый раз говорила ему эти слова, но когда дело касалось его отца, они ни разу не сработали.

— Пойдем, мама тебя проводит, — сказала Императрица Чан с улыбкой на лице, хотя в душе она волновалась, но не смела позволить Лун Сяо заметить это.

Взявшись своей маленькой ручкой руку императрицы, Лун Сян вышел вместе с ней из Зала Милостивого Феникса.

За пределами Зала Милостивого Феникса евнухи Зала Вечного Света уже ждали Лун Сяо.

— Мама, дождись моего возвращения, — жалобно попросил Лун Сяо, становясь на императорский паланкин.

— Хорошо, — сказала Императрица Чан с натянутой улыбкой, — Постарайся хорошо ответить на вопросы твоего августейшего отца.

— Встать на ноги, — крикнул крупный евнух сбоку.

Лун Сяо сидел в паланкине, направляясь в Зал Вечного Света, но даже отдалившись, не прекращал оглядываться на Императрицу Чан, стоявшую перед воротами Зала Милостивого Феникса.

Императрица Чан знала, что если нынешний облик Лун Сяо дойдет до ушей Лун Сюаня, то в его глазах он сразу станет еще одним бесполезным человеком и маменькиным сынком. Ожесточив свое сердце под пристальным взглядом Лун Сяо, Императрица Чан повернулась и вошла в Зал Милостивого Феникса, приказала запереть двери зала.

Лун Сяо увидел, что двери Зала Милостивого Феникса закрылись, так что у него не осталось никакой надежды, поэтому ему пришлось сидеть с грустным лицом в паланкине. Каждый раз, когда ему приходилось навещать отца, он завидовал двум своим младшим братьям, хотя они и не были рождены его матерью. Похоже им не нужно навещать их отца-императора, он даже ни разу их не видел. Как же это здорово! Почему с ним нельзя так же? Его дядя однажды тихо сказал ему, что его отец не помнил этих двух младших братьев, только он, Лун Сяо, самый ценный старший сын его отца-императора, именно потому тот его помнит. Каждый раз вспоминая об этом, Лун Сяо едва сдерживал слезы. Он совсем не хочет, чтоб отец его помнил!